А. Варламов создает образ современного русского интеллигента как творческой, независимой личности, представителя национальной элиты. Для сохранения интеллектуальной элиты очень важен принцип наследования отличительных устойчивых признаков независимой творческой личности несколькими поколениями.

Список литературы

Варламов А.Н. Дом в деревне: Повесть сердца // Новый мир. – 1997. – № 9 [электрон. ресурс] – Режим доступа: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1997/9/varl.html (дата обращения: 22.01.2017).

Варламов А.Н. Купол // Новый мир. – 1999. – № 3 [электрон. ресурс]. – Режим доступа: http://magazines.russ.ru/october/1999/3/varla.html (дата обращения: 22.01.2017).

THE TYPOLOGY OF "TRADITIONAL RUSSIAN PROSE" CHARACTERS IN THE XXTH AND XXIST CENTURY: INTELLECTUAL CHARACTER IN A. VARLAMOV'S "DOME" AND "HELLO, PRINCE!"

The paper deals with the image of intelligentsia in the Russian prose in the XXth and XXIst century. The author analyzes some types of intellectual characters studying A. Varlamov's "Dome" and "Hello, Prince!".

Keywords: intellectuals; dissidence; A.Varlamov.

УДК 8Р2

ДОН ЖУАН В ТВОРЧЕСТВЕ ПОЭТОВ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

С.А. Бекасова
Научный руководитель: Н.Э. Сейбель,
доктор филологических наук, профессор (ЮУрГГПУ)

Статья посвящена изучению образа Дон Жуана в творчестве поэтов Серебряного века. На примере творчества А.А. Блока, В.Я. Брюсова, Н.С. Гумилева, К.Д. Бальмонта рассмотрены основные особенности трансформации вечного образа мировой литературы в начале XX века.

Ключевые слова: Дон Жуан; Серебряный век; А.А. Блок; В.Я. Брюсов; Н.С. Гумилев; К.Д. Бальмонт; трансформация образа.

Дон Жуан – один из вечных образов мировой литературы, который трансформировался в результате смены культурно-исторических эпох. Проблема сравнения образов Дон Жуана в литературе стала темой изучения многих филологов: Е.Д. Ивановой, М.Б. Лоскутниковой, В.В. Онорина, О.В. Астафьевой, А.А. Кулагиной и других. Так, С. Гайжюнас в статье «Дон Жуан XX в. Несколько балто-славянских параллелей» проводит первый сравнительный анализ раскрытия образа Дон Жуана в литовской и русской литературе Серебряного века [Гайжюнас 2010]. Сопоставление образов Дон Жуана в XX веке является

предметом исследования В.В. Онорина в статье «Особенности интерпретации образов Дон Жуана и Казановы в литературе рубежа XIX – XX вв.»; автор выделяет авантюрно-героический сверхтип литературного героя, который у К.Д. Бальмонта и Н. Гумилева сравнивается с Фаустом, как демоном познания; у В.Я. Брюсова и К.Д. Бальмонта подчеркивается образ торжествующего Дон Жуана, который лишен трагической сущности и носит маску ницшеанского сверхчеловека; также отмечается, что в XX веке исчезает проблема конфликта судьбы и свободы главного героя [Онорин 2010].

Поэты Серебряного века в своем творчестве часто использовали мировые литературные образы с целью создать героев нового общества, приходящего на смену погибающему старому, на основе трансформации традиционных мотивов и образов. В начале XX века литература становится направленной на раскрытие внутреннего мира и личной трагедии человека в хаосе трагических событий мировой истории. Герой наступившего века – «изгой, скиталец, одиночка» [Сейбель 2006: 79]. Образ Дон Жуана в XX веке существенно изменяется по сравнению с произведениями предшествующих эпох. С одной стороны, поэты-символисты опираются на романтическую традицию изображения образа Дон Жуана, на что указывает Я.В. Погребная: «Тема Дон Жуана интерпретируется как тема вечного романтического поиска совершенства, идеала… по своей многоплановости приближается к символу» [Погребная 2016: 43]; с другой стороны – показывают его как героя-мыслителя, который пропускает происходящие вокруг него события через призму сознания, что передано в сложных психологических состояниях выбора своей судьбы, раскрывающих внутренний мир героя наиболее полно.

Дон Жуан в стихотворении А.А. Блока «Шаги командора» (1910–1912) как действующее лицо отсутствует – он не объект, он субъект текста. Передано пограничное, психологически сложное состояние лирического героя между жизнью и смертью: он слышит приближение Командора («Тихими, тяжелыми шагами / В дом вступает Командор» [Блок 1977: 118]) и знает, что «миги жизни сочтены» [Блок 1977: 97], однако он не способен ничего изменить, он не предпринимает попыток бороться со смертью, в отличие от его прототипов, которые вызывают каменного гостя на поединок. Вопрос «Что тебе твоя постылая свобода, / Страх познавший Дон-Жуан?» [Блок 1977: 117] обозначает пропасть между героями Мольера, Пушкина и Толстого и новым Дон Жуаном, который перед лицом смерти испытывает чувство страха, не свойственное отважному и храброму Жуану предшествующих эпох. Он теряет свободу выбора, которая приравнивается к самой жизни, перед смертью он не обретает прозрения; важнейший, в трактовке литературы начала XX века, миг жизни – встреча со смертью – для него полон трагизма, отчаяния и

одиночества. Литературная традиция сталкивает в сюжете прихода Командора две личностных, персонифицированных силы: Командор – мстящая жертва или наказание за беспутную жизнь Жуана. Он связан с ним биографически, он прямой оппонент и антипод. Например, в комедии Т. де Молина «Севильский озорник, или Каменный гость» Командор выступает в качестве мстящего за оскорбление дочери отца. В пьесе К.Д. Граббе «Дон Жуан и Фауст» – сраженного на дуэли соперника. В комедии Ж.Б. Мольера «Дон Жуан, или Каменный гость» каменная статуя наказывает героя за безнравственную, распутную жизнь и неверие в Бога и высшие силы, движущие бытием; в пьесе А.К. Толстого «Дон Жуан» статуя убитого Дон Жуаном Командора выступает в роли своеобразного посредника между небом и адом, призывает героя к покаянию и спасению души. Командор А.А. Блока – воплощение чистого страха: на ужин к Дон Жуану («Бой часов: Ты звал меня на ужин. / Я пришел» [Блок 1977: 118]) приходит фигура, которая ассоциируется с образом Смерти и «старого рока», которому подвластны и время, и человеческие судьбы, на что указывают следующие строки:

> Я пришел. А ты готов? <…>
> На вопрос жестокий нет ответа, нет ответа,
> Нет ответа – тишина…
> Бьют часы в последний час:
> Донна Анна в смертный час твой встанет» [Блок 1977: 118].

Стоит отметить, что шаги, которые лирический герой слышит или, вероятно, предчувствует, переходящие в бой часов, усиливающий психологизм ситуации, – это символ неотвратимого приближающегося будущего, неизбежной смерти, некое предощущение чего-либо. Противостоять Смерти способна лишь Прекрасная Дама, Дева Света, донна Анна («Дева Света! Где ты, донна Анна? / Анна, Анна! – Тишина» [Блок 1977: 118]), но и она не приходит Дон Жуану на помощь («Анна, Анна, сладко ль спать в могиле? / Сладко ль видеть неземные сны?» [Блок 1977: 118]). Сон в стихотворении А.А. Блока «Шаги командора» является повторяющимся мотивом-символом: с одной стороны, сон является переходным состоянием между жизнью и смертью, между движением и статичностью («Слуги спят»; «Донна Анна спит, скрестив на сердце руки, / Донна Анна видит сны» [Блок 1977: 118]), с другой – сон и смерть приравниваются друг другу («Анна, Анна, сладко ль спать в могиле? / Сладко ль видеть неземные сны?» [Блок 1977: 118]; «Анна встанет в смертный час» [Блок 1977: 118]), тишина также ассоциируется со смертью. Стоит также отметить зеркало как символ отражения жизненного движения и, в то же время, неподвижности бытия, который переносит героев в мир иллюзий – «Чьи черты жестокие застыли, / в зеркалах отражены» [Блок 1977: 118] – и передает их психологическое

состояние в момент между жизнью и смертью. Так А. Блок в стихотворении «Шаги командора» выводит образ Дон Жуана на метафизический, мистический уровень иллюзий и пограничных психологических состояний, философски осмысляя его внутренние переживания. В.В. Онорин замечает, что в данном стихотворении Дон Жуан показан как «заложник сложности своего внутреннего мира» [Онорин 2010: 140], легендарный образ интерпретируется как «трагедия совести» [Онорин 2010: 140], где служение Прекрасной Даме оставляется ради демонического восторга и «постылой свободы».

В одноактной драме Н. Гумилева «Дон Жуан в Египте» (1911–1912) Дон Жуан показан ницшеанским сверхгероем, который способен существовать вне времени, которому не страшны никакие силы, ни божественные, ни потусторонние. Так главный герой изображен после встречи с Командором и после посещения ада:

И грозный мертвый командор
Мне руку сжал с улыбкой странной?
Да! Мы слетели в глубину…
И я увидел сатану [Гумилев 1994: 191].

С одной стороны, подчеркивается легендарность образа героя:

Вы дон Жуан? Ну тот, который?
И с тех пор
Вы в мире в первый раз явились? [Гумилев 1994: 196]

Лепорелло также замечает: «Ведь дон Жуан не кто-нибудь, / Он сам севильский обольститель» [Гумилев 1994: 202]. Но в то же время образ трансформируется и усложняется. Н. Гумилев продолжает традиции романтического повествования Дж.Г. Байрона: его герой также оказывается в экзотической обстановке восточных стран (стоит также отметить, что Египет считался мистическим местом магической силы и знаний о мире), так же пылок и страстен, сентиментален, как и герои предшествующих эпох:

И я плыву на корабле,
Где вы сидите у ветрила…
Мне б хотелось лгать
И быть холодным, быть коварным,
Но только б, только б не страдать
Пред Вашим взглядом лучезарным [Гумилев 1994: 197].

Новаторством автора является то, что Дон Жуан приравнивает себя к духу Света, божеству, который противостоит силам тьмы:

Когда ж загрезил сатана…
Я подниматься стал со дна…
И духи ада от меня
Бросались в темные проходы [Гумилев 1994: 191].

Лепорелло снижает до бытового уровня противоречивую характеристику героя, отмечая безрассудность и сердечность как положительные черты: «Все то же милый, бесшабашный!» [Гумилев 1994: 193], но в то же время критикуя своего бывшего хозяина: «Иногда бывает пьян, / И малый грубый… но сердечный» [Гумилев 1994: 196]. Таким образом, Н.С. Гумилев изображает героя, способного противостоять силам ада и тьмы. Его «божественность» в сочетании с человечностью оправдывает его распутность и греховность.

В.Я. Брюсов в стихотворении «Дон Жуан» (1900) раскрывает образ главного героя в духе романтической традиции:

> Моряк! Искатель островов
> Скиталец дерзкий в неоглядном море [Брюсов 1987: 76].

Он оправдывает себя тем, что «женщины идут на страстный зов, / Покорные с одной мольбой во взоре… / Все отдают они – восторг и горе» [Брюсов 1987: 76]. Дон Жуан подчеркивает, что «каждая душа – то новый мир, / И манит вновь своей безвестной тайной» [Брюсов 1987: 77], что повторит в пьесе «Последняя женщина сеньора Хуана» Л. Жуховицкий, где Хуан-философ приравнивает любовь к смыслу бытия, открытию новой страны и новой веры.

К.Д. Бальмонт, как и В.Я. Брюсов, раскрывает образ Дон Жуана в конкретный период его жизни через лирические размышления о роли героя в мировом бытии: для него не существует общепринятых нравственных категорий («Ни родины, ни матери, ни брата» [Бальмонт 1969: 140]), кроме любви и красоты («Стремясь к тому, в чем дышит красота» [Бальмонт 1969: 140]); герой-легенда живет вне времени, исторических эпох и пространства («Он будет плыть среди бесстрашных вод… Над ним навис враждебный небосвод» [Бальмонт 1969: 140]), будто бы наблюдает над всем происходящим на земле откуда-то сверху, куда не добраться простому смертному («Земная жизнь – постылый ряд забот» [Бальмонт 1969: 141]). Отличительной чертой данных стихотворений является отсутствие образа Командора как карающей высшей силы, божественного наказания за порочный образ жизни. Дон Жуан К.Д. Бальмонта приравнивает себя одновременно и к божеству («желанья быть среди полубогов» [Бальмонт 1969: 142]), для которого «любовь людей» смешна, и к потусторонней силе ада («Быть может, самым Адом я храним, / Чтоб стать для всех примером лютой казни» [Бальмонт 1969: 141]). Как и герои предшествующих эпох, Дон Жуан отважен и храбр на дуэли с сильным соперником:

> Где блещет шпага, там язык молчит…
> Ты падаешь? Убит…
> Забыл, что Дон Жуан неуязвим! [Бальмонт 1969: 141].

Он тщеславен и честолюбив: «Взамен мечты он хочет мрачной славы» [Бальмонт 1969: 141]. Дон Жуан К.Д. Бальмонта, как и Дж.Г. Байрона, стремится найти в любви некий недостижимый идеал романтической традиции:

Какой-то сон, какой-то свет иной,
И образ мой пред женщиной предстанет
Окутанный печалью неземной [Бальмонт 1969: 142].

Лирический герой стихотворения К.Д. Бальмонта «Дон Жуан» подчеркивает столкновением философских категорий и природных стихий парадоксальность и многогранность образа:

Любовь и смерть, блаженство и печаль
Во мне живут красивым сочетаньем…
Я весь – огонь, и холод, и обман,
Я – радугой пронизанный туман [Бальмонт 1969: 143].

Итак, Дон Жуан Серебряного века – противоречивый и сложный образ, который сохраняет романтические традиции, но в то же время привносит психологизм в раскрытии внутреннего мира и философское осмысление действительности. Дон Жуан начала XX века – и герой, и божество, дух Света и тьмы, скиталец в мире человеческих переживаний, который ищет любовь, гармонию и красоту.

Список литературы

Бальмонт К.Д. Стихотворения. – Л. : Советский писатель, 1969. – 712 с.

Блок А.А. Стихотворения и поэмы. –М. : Худож. лит., 1977. – 192 с.

Брюсов В.Я. Соч. : в 2 т. Т. 1 : Стихотворения и поэмы / сост., вступ. статья и коммент. А. Козловского. – М. : Худож. лит., 1987. – 575 с.

Гайжюнас С. Дон Жуан XX века. Несколько балто-славянских параллелей // Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты. – 2010. – № 1. – С. 144–150.

Гумилев Н.С. «Когда я был влюблен»: Стихотворения. Поэмы. Пьесы в стихах. Переводы. Избр. проза. – М. : Школа-Пресс, 1994. – 624 с.

Онорин В.В. Особенности интерпретации образов Дон Жуана и Казановы в литературе рубежа XIX–XX веков // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2010. – № 6. – С. 139–142.

Погребная Я.В. Типология интерпретаций образа Дон Жуана // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 9 (63). – Ч. 1. – С. 41–45.

Сейбель Н.Э. Австрийский роман Zwischenkriegszeit. – Челябинск : Изд-во ЧГПУ, 2006. – 414 с.

DON JUAN IN THE WORKS OF THE POETS OF THE SILVER AGE

The paper deals with the Silver Age image of the Don Juan. Material for the study is poetry of A. Blok, V. Brjusov, N. Gumilev, K. Balmont. It is shown how the eternal image of the world literature is transformed at the early 20th century.

Keywords: Don Juan; A. Blok; V. Brjusov; N. Gumilev; K. Balmont.